

12 ноября 1982 г. № 91 (5619)

герой на экране:
каким ему быть?

Как слово наше отзовется

Для заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Юрия Демича два последних года выдались особенно напряженными. Над двумя большими и сложными ролями одновременно работал актер, к двум премьерам готовился. Первая — всесоюзная премьера фильма «Надежда и опора», где Демич сыграл роль молодого председателя колхоза Куркова, уже прошла и вызвала большой зрительский интерес. Вторая премьера — спектакля Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького «Амадеус», в котором актер играет великого Моцарта, скоро состоится. Два героя. Один весь — из дня сегодняшнего. Второго жил и творил двести лет назад. И наш разговор с Юрием Демичем начался с вопроса: что труднее воплощать актеру — героя исторического или современного?

— Как тут взвесить? Историю, особенно далекую, мы видим как бы в перевернутый бинокль — все уменьшится. Искусство возвращает нам нормальное зрение. Но не только, и не это главное. Объективную, так сказать, информацию о том же Моцарте мы можем получить без труда, заглянув в учебник истории. Искусство же стремится показать работу духа, ставшую основой творческого подвига. Интереснейшая и труднодостижимая цель, не случайно так редки удачные работы о реальных исторических личностях. И все-таки на материале былого в какой-то мере работают проще: история сама уже произвела отбор и «предъявила» героя. С современностью сложнее, хотя нам и кажется, что мы досконально ее знаем, ведь это пространство нашей жизни. Но героическое, в самом расширительном толковании этого понятия, в ней как бы растворено, оно в процессе, а не в конечном результате, оно еще не отобрано временем. И если связать сказанное с работой драматурга и актера, превращающего написанное слово в реальность характера, судьбы, то эта работа почти всегда сопряжена со сложнейшим поиском — как поиск корня женьшеня в тайге.

— Вот слушаю вас и вспоминаю Николая Куркова из «Надежды и опоры» — он весь вами сыгран на едином порыве, когда и следа работы не видно. Так что и здесь был «сложнейший поиск»?

— Да, знаете ли, был. Начать с того, что сначала, при беглом «усвоении», сценарий мне вовсе и неглянулся. Подумалось: ну чего это вдруг молодой научный работник Курков, отринув прекрасно начатую карьеру, уедет из города в село? Ну и что, что родом он из тех самых мест, куда зовет его председателем колхоза секретарь райкома Фомин, — мы-то знаем, что, увы, из села в город молодые уходят куда чаще, чем возвращаются обратно. Это уже потом я понял: изначально «зерно» характера Куркова в единении двух начал — боли за родные места, которые в аховом состоянии, и азарта сильного человека, лидера по сути своей человеческой; обладателю такого характера просто невозможно отсидеться в уютной гавани благополучной карьеры, когда позвала, как судьба, настоящая работа. Но до этого «зерна» еще надо было доискаться. Ну а тогда, вначале... Решил уже отказываться, перелистывал сценарий, выхватывая куски из разных мест, и «зацепила» меня вдруг вот такая сцена. Первая встреча Фомина с Курковым, Фомин машет рукой, переиди, мол, дорогу, иди сюда. А на дороге грязь. И Курков, утопив ботинки, стоит в ней чуть ли не по колено, и в глазах у него разгорается ярость. А кругом осенняя природа, охряно-золотая, одухотворенная, подающая великий пример человеку, как жить и умирать. Вот с чего начинается Курков-хозяин — с мысли: я уберу грязь, я наведу здесь порядок! (Сцена в картину не вошла, в ней есть другой эпизод, где тема плохих дорог звучит более драматично). И роль вдруг «заговорила» во мне, я ощутил живого человека; я новыми

глазами перечел сценарий и увидел поразительно интересный характер, взятый именно в развитии: Курков, практически не знающий работы на земле, растет вместе с делом, личность его укрупняется в борении, он становится человеком, мыслящим по-государственному масштабно. И когда я думаю о необходимых условиях для успешной реализации Продовольственной программы, перед мысленным моим взором предстают в первую очередь такие люди, как Курков. Можно ведь сколько угодно говорить о необходимости повсеместной индустриализации села, о рачительности и чувстве хозяйна — это будут только слова, если за ними не стоят человек, его конкретное дело.

— Вы считаете, Юрий Александрович, что именно такой тип молодого руководителя наиболее характерен для сегодняшнего производства и именно его следует со всей основательностью изучать и выводить на экран?

— Если бы он был, как вы выразились, «наиболее характерен», то у нас и проблем бы было куда как меньше, в том числе и в сельском хозяйстве. И что значит «изучать и выводить на экран»? Тиражировать, что ли, Куркова? Упаси бог от такой претензии! Понимаете, ни мы сейчас с вами, ни вообще никакая дискуссия не определит, каким быть герою. Он потому и герой, что уникален, и наивно пытаться превратить его в волшебную шкатулку, куда стоит только запустить руку, и сподобиться всему наилучшему. Я с большим интересом прочитал умную статью Игнатия Дворецкого, выступившего в нашей дискуссии. Но в одном мне трудно с ним согласиться. В том, что герой меняется значительно медленнее, чем наши представления о нем. Герой меняется сообразно обстоятельствам жизни, а она, как известно, все время в динамике. В стремительной динамике! Герой, смею полагать, меняется быстрее, чем порой успевает увидеть свет киноведческий сборник статей об определяющем сегодняшней день типе героя. Куркова называют духовным сыном Егора Трубникова из «Председателя». Слов нет, между ними много общего. Но полезнее подумать, сколько в них разного! Курков широко образован, информирован обо всем на свете; в облике его, в манерах, стиле есть элитантность (про Трубникова можно сказать все, кроме того, что он элитантен); за всем этим стоят огромные социально-экономические преобразования, происшедшие в стране за десятилетия, отделяющие двух этих героев. Да, Курков силен природной сметкой, хваткой, он прирожденный лидер, но без знаний, какими он обладает, вряд ли ему выйти бы на уровень мышления государственного. Вот, кстати, о герое-лидере: мы говорим, сегодняшнему экрану ошутимо нужны такие герои. А вчера они что, меньше были нужны? И экран — можно вспомнить — выводил их. Но сегодня нужны именно сегодняшние герои, узнаваемые не по модному покрою костюмов, но по образу мыслей и чувств, которые небезразличны ни вам, ни мне, ибо касаются нашей с вами жизни. Герои, не только умеющие оценить

перспективу и в соответствии с ней строить конкретное дело, но и готовые его отстаивать, если нужно, на любых уровнях, в любых инстанциях. Позиция только тогда становится позицией, когда обеспечивается поступками.

— А сомневаться этому герою дозволено?

— Не сомневается только ЭВМ — у нее совести нет. Сомнение — это голос совести человеческой: а правильно ли живу, так ли? Но личное мое мнение, что сомневаться лучше все-таки не на виду у всех, коли ты лидер. Увлечь можно убежденностью. Однако, если надо, то не грех и на люди выйти, чтобы миром думать и сообща находить решения. В старину это называли хорошим словом «рачительность». Истинно сильный человек не побоялся показаться слабым; это именно слабость часто рубит с плеча, и звон той рубки больно отдается на делах и судьбах многих людей. Разве не поразительным соединением набожности и исповедальности захватывают нас лучшие произведения отечественного искусства?

— Вы, Юрий Александрович, все вот говорите о способности героя отдать делу всего себя. Но ведь дело — не единственное, из чего состоит человеческая жизнь. Вы видели фильм «Частная жизнь»? Его главный герой Абрикосов, хотя трудовая его деятельность и оставлена «за кадром», но очень деловой, судя по всему, человек, оказавшись не у дел, вдруг с горечью обнаруживает, что в динамике производства не заметил, как утратил человеческие связи с близкими ему, да и не только близкими людьми...

— Ну, если проецировать проблему Абрикосова на Куркова, то последнему до той «осени», когда производят подсчеты, еще далеко — ему чуть больше тридцати. Что же касается его «частной жизни», то за нее, как вы помните, Курков борется с не меньшей энергией, чем за строительство животноводческого комплекса...

— Видите ли, среди зрителей и критиков есть мнение, что «частная» линия в «Надежде и опоре» как раз уступает по драматизму «деловой», хотя в первой применены достаточно сильные действующие средства, вплоть до сожжения личного автомобиля. Рассуждая шире — как, по-вашему, должны сопоставляться два этих начала, чтобы образ стал достоверным и полнокровным?

— Вопрос, думаю, скорее драматургу, чем актеру, хотя вряд ли здесь возможен вообще однозначный ответ — это ведь составная все того же вопроса: каким быть герою на экране? Если же вернуться к «Надежде и опоре», то, к сожалению, не могу отчасти не согласиться с тем, что вы сказали выше о «частной» и «деловой» линиях ленты. Вот и сам я до тонкостей помню и переживаю всю, казалось бы, «техническую» сторону: сколько тонн фуражного зерна требуют сдать от Куркова, каким убытком, по его подсчетам, это обернется государству; помню все перипетии, связанные со строительством свиноплекарки, и лишь в самых общих чертах ощущаю сейчас ситуацию с «трудной любовью». Курков меня верой своей заразил и увлек, меня, сугубо городского человека, где-то крестьянином сделал, и не только на время съемок. Прикосновение к настоящему — вот цель и смысл жизни человеческой. Этим настоящим стало, повторю, дело, к которому Курков прикоснулся, и это прикосновение преобразило его, и это оказалось в фильме наиболее ярким, по-человечески наполненным. На сцене БДТ я играю Моцарта. И, не поверите, при всей

колоссальной разнице актерской задачи в двух этих ролях, они где-то смыкаются в моем сознании именно под эгидой понятия «настоящее дело». Ведь в творчестве актера «настоящее» — это роль, способная пробудить в нем незамутненно-чистое видение ребенка, для которого игра есть и мир, и способ постижения мира.

— Последний вопрос. Чего больше в образе Куркова — желаемого или действительного, другими словами, насколько этот образ обеспечен реальным жизненным материалом?

— Курков — образ собирательный. Но у него есть реальный прототип — руководитель одного из хозяйств Белгородчины. И десятки других командиров сегодняшнего сельского хозяйства, пусть судьбы их и дела не «участвовали» непосредственно в создании образа моего героя. Я говорю сейчас о конкретных плодах умного, рачительного хозяйствования, с которыми мы не раз и не два встречались во время съемок фильма. Вот, скажем, снимали мы ряд эпизодов в Обнинске, что под Москвой, в Кузнецовском свином комплексе. Побывайте там при случае — удивитесь! Чистота, продуманность во всех деталях, порядок образцовый, производственный цикл отлажен, как часы. Рабочие все в ладно пригнанных «фирменных» комбинезонах и кедах — посмотришь, и не сразу поверишь, что они ежедневно имеют дело с хрюками и свиноматками. И никакой показухи, когда один лишь внешний блеск и лоск. Здесь так привыкли трудиться, иначе уже просто не могут; здесь хорошая работа — это норма, а не приятное чрезвычайное происшествие. Отсюда молодежь не побежит — зачем, чего от добра добра искать? За всем этим виден настоящий хозяин, прекрасно понимающий, от скольких слагаемых зависит сегодня успех дела. Или вот был наш театр на гастролях в Омске. И хочется поехать туда еще. Удивительный город, удивительные люди! Очень это непросто, на скудном песчаннике приречных степей разбить такое множество садов и цветников, как это сделали омичи. Или, скажем, суметь так очистить вредные сливные воды, чтобы стало возможным завести крепкое рыбозаводное хозяйство, бесперебойно обеспечивающее население живой рыбой. Конечно, помогла здесь и наука. Но ведь известно, что помочь можно только тому, кто хочет, чтобы ему помогли.

Вот что важно: желание, стремление, внутренняя необходимость работать и жить осмысленно, красиво — этого не в силах заменить никакая директива. Помню ощущение, какое осталось у всех у нас от встречи с первым секретарем Омского обкома партии Сергеем Иосифовичем Манякиным. Говорил он и о немалых успехах области, но больше о еще несделанном, о перспективах культурного и экономического строительства, и в каждом его слове была спокойная уверенность человека, для которого нет и быть не может разрыва между словом и делом. Такие люди, такие руководители и есть подлинная наша надежда и опора. Их немало сегодня, их должно стать больше завтра.

Обращение к жизни и делам этих людей должно стать для нашего экрана такой же насущной потребностью, как для них самих делать настоящее дело. И, может, мы тогда не только и не столько будем спорить, каким следует быть герою, сколько будем говорить о том, каково реальное влияние поступков наших героев на дела тысяч конкретных Курковых.

Беседу вел
Фархад АГАМАЛИЕВ.